

Сегодня 7 октября 2004 года я, Блинкина Ольга Евгеньевна, в рамках программы «История семьи» беру интервью у Тихановой Валентины Александровны. Москва

Тиханова В.А. Я родилась в 22-м году 14 августа в Москве на Рождественском бульваре, дом 17, кв. 3. Это было на втором этаже. Вот с этого этажа шел навверх лифт. Это был первый в Москве лифт, он был установлен в этом доме, по-моему, в 1887-м году. Я помню этот лифт, сейчас таких уже нет: железная хлопающая дверь, да. Но, тем не менее, он работал исправно. Это дом 17, по-моему, это был такой большой доходный дом до революции, очень добротный, с огромными квартирами многокомнатными. В нашей квартире жили – раз, два, три, четыре, пять, шесть...Шесть или семь семей. Была одна большая кухня, на которой справа была огромная плита, которая топилась дровами. А на столах стояли керосинки или примусы, на которых готовили. Иногда зажигали эту плиту, а к плите был приделан такой, треугольная такая емкость, в которую наливали воду и она нагревалась, когда эта печка топилась, она как бы прилеплена была. Она нагревалась эта вода, когда топилась эта плита, причем я помню эти поленья. Вот, и на этой плите тоже то ли белье кипятили, то ли что-то там делали. У каждого был свой столик. Было довольно темно, по-моему, грязновато в этой кухне. А прямо из этой кухни выходила дверь во двор, на черный ход, так называемый. Этот черный ход мне почему-то, я очень, я боялась этого двора, такого квадратного колодца заасфальтированного, и этого черного хода, потому что в этом дворе довольно часто, чуть не каждый день появлялся татарин с каким-то мешком за плечами и кричал: «Старье берем, старье берем!» Или: «Чайники лудим»... что-то вот в этом духе. Разные там были эти татары. Видимо, потому, у меня то ли тетка моя молодая, то ли кто-то пару раз как-то меня напугала: «Вот я тебя татарину отдам» или что-то в этом духе. Вот такая была квартира.

Блинкина О.Е. Кто были соседи?

Тиханова В.А. Соседи. Значит, одна была Ольга Витальевна с сыном Колей, хороший очень был мальчик. Мне было года 4 или 5,

ему в этот момент было 17, большой такой мальчик был. Это одна была семья. Вторая семья была это Сошины, причем, этот Сошин был тяжелый алкоголик, он свою жену Наташу периодически в пьяном виде избивал. И когда она прибежала к нам, прятаться, я говорила: «Наташа спрячься под стул, он тебя там не найдет». Я просто это помню. Ну, а кто же еще там был? Одна была старая большевичка. И бабушка. Бабушка жила в одной комнате, а вот в другой мама, папа и я. Бабушка с сестрой, с маминной младшей, мамина мама, а в одной комнате мы с папой и мамой. Так было до 27-го года, когда мы уехали.

Блинкина О.Е. А сестра старшая?

Тиханова В.А. Сестра младшая. Причем, Эмма Ивановна... Причем, очень интересно, потом, когда мама вышла замуж за Владимира Александровича Антонова-Овсеенко, у него ведь был сын самый старший, самый первый. Это не Антон, который сейчас, а старший сын. И этого старшего сына познакомили с маминной младшей сестрой, они поженились. Понимаешь?

Блинкина О.Е. А как звали его?

Тиханова В.А. Его Владимир звали. Да, Владимир Владимирович Овсеенко. А у него родился сын, которого он назвал Феликс, в честь Феликса Эдмундовича, потому что, когда Владимир Александрович занимался бурной революционной деятельностью, этот Володя, его сын, воспитывался в семье Феликса Эдмундовича, собственно, в семье Софьи Сигизмундовны, потому что Феликс сам тоже занимался такой всяческой деятельностью. Владимир Владимирович воспитывался в этой семье. Ладно...

Блинкина О.Е. А ваша семья, вот папа, мама, они <нрзб>?

Тиханова В.А. Нет, мама кончила гимназию. Мама вон она (указывает на фотографии на стене), она была просто очень красивая, и умная, и остроумная, и веселая женщина. Но этого хватило для того, чтобы она сделала такую <нрзб> головокружительную совершенно личную карьеру... Потому что, ведь он же был послом, когда она вышла за него замуж.

Блинкина О.Е. А отец?

Тиханова В.А. А папа... Он вообще был... Вы знаете что, он был вообще из питерских наборщиков, из типографских рабочих. А

потом, после революции он стал... Вы знаете, он не был лишен литературного дара, он пошел как-то по литературной линии, он работал редактором в издательстве «Молодая Гвардия». В Москве. Он вообще из Питера был. У него были сестры, которых он тоже перетащил в Москву. Понимаете, я же в детском доме воспитывалась, я же туда попала в общем девчонкой совсем, когда мне совершенно было все равно. Была бабушка, у которой было, как я знаю, 12 человек детей, из которых один погиб на Гражданской войне, один там где-то еще умер.

Бланкина О.Е. Это была папина мама?

Тиханова В.А. Это была мамина мама. О папиных родителях я понятия не имею и не имела. Это мамина мама. Дедушка никогда у нас не появлялся, бабушка была замужем, по-моему, раза три и настрогала 12 человек детей. Причем, это были очень такие простые довольно люди, и тем не менее всех она выкормила, все выросли, все были нормальные и красивые. И всё.

Блинкина О.Е. А у Вас с ней какие отношения были?

Тиханова В.А. С бабушкой? Ну, бабушка меня воспитала, она мне маму заменила вообще до пяти лет, пока мы не уехали, я маму и не помню.

Блинкина О.Е. – А чем мама, если она не работала...<она занималась>?

Тиханова В.А. До 27-го го... Ну, но она вышла в 21-м году за папу замуж... Ну, чем она занималась? Ну, хозяйством она занималась, была мужниной женой, как очень многие.

Блинкина О.Е. Тогда почему же бабушка вас воспитывала? Мама работала?

Тиханова В.А. Мама не работала, нет, нет, Ну, я не знаю, чем она занималась, но мы же жили все в одной квартире – и мама, и бабушка, и я. В основном, занималась мной моя бабушка, мама как-то она... я не помню... Чем-то, видимо, так, занималась мной, воспитывала. Кормила меня бабушка, во всяком случае, я помню.

Блинкина О.Е. А папа работал?

Тиханова В.А. А папа работал. А мама, может быть, она короткое время где-то работала, может быть, но я просто этого не знаю, не помню, как-то у меня это не...

Блинкина О.Е. А вот вы поехали в 27-м году...

Тиханова В.А. В 27-м году папу отправили...О, да! Он работал в «Международной книге» сначала, и его от «Международной» книги в 27-м году отправили в Чехословакию. Там в это время был послом, вот Антонов-овсеенко. И там в общем произошел вот этот роман, подробности я не знаю, и мама ушла от папы, забрав меня.

Блинкина О.Е. – Вам было лет 7?.. 5?..

Тиханова В.А. В 27-м мне было 5 лет, да. Вот. Но я помню, я очень быстро привыкла к Владимиру Александровичу, он был очень хороший человек, очень хороший, он прекрасно ко мне относился, он меня любил. Он был вообще хороший человек, хороший был человек, не в пример некоторым родственникам.

Блинкина О.Е. А папа как? Остался он там работать?

Тиханова В.А. А папа я не знаю. Я не знаю. Мы виделись один раз я помню, ну, маленькая была. Да! Один раз мы виделись. А потом когда мы приехали в Москву в 34-м году уже окончательно, из Польши, мы с папой не виделись. Не виделись. Я и не спрашивала. В общем как-то так получилось. Мама тоже ничего не говорила. Папа, вероятно, не хотел вторгаться, так я понимаю.

Блинкина О.Е. И он долго прожил <один>?

Тиханова В.А. 7 лет.Папа, да.

Блинкина О.Е. Какая-то новая семья?..

Тиханова В.А. Да, ему не повезло, у него вторую жену тоже арестовали. Вот. И его исключили из партии, за двух жен. В общем, папа тоже пострадал...

Блинкина О.Е. Вот когда арестовали маму, и всё это?...

Тиханова В.А. Да, его <нрзб> тоже.

Блинкина О.Е. – Он не попытался вас взять? Или вообще как-то...

Тиханова В.А. Вы знаете что. Давайте это оставим без комментариев.

Блинкина О.Е. Нет, даже не по отношению... У вас отношений ведь не было. Он, может, просто и не знал...

Тиханова В.А. Нет, нет, нет, он знал, у него была другая жена. Короче, меня забрали в детский дом. Из этой совместной жизни бы ничего не получилось.

Блинкина О.Е. Вы и сами к нему не обращались?

Тиханова В.А. И сама, и сама не обращалась... . Понимаете, он, как это Вам объяснить... Мне никто ничего про него плохого не говорил. Я ведь не называла Владимира Александровича папа, я его называла Володенька, но он был мой папа. Понимаете, я была, сердцем я прикипела к нему. А вот родного папу... ну, вот не лежала к нему душа, вот я не могу даже вам объяснить, почему это так было. Хотя мама никогда в жизни... наоборот, она мне...

Блинкина О.Е. – А бабушка как к этому отнеслась?

Тиханова В.А. К чему?

Блинкина О.Е. Ко всей этой истории семейной.

Тиханова В.А. Ну, бабушка, бабушка же вообще все это трагично пережила. Бабушка ведь была старенькая, ей было около 70-ти лет в тот момент, когда арестовали маму. Но это...

Блинкина О.Е. – ...это было сначала вот...

Тиханова В.А. Ну, а это я не знаю. А кого это интересовало? Маму, что, это интересовало? Мама вообще делала, как она хотела. А потом мы жили за границей, в России вообще был голод, чулки штопали, черные чулки штопали красными, желтыми нитками, поэтому, конечно, мама содержала эту семью. Бабушку и Эмму, сестру свою. Поэтому как они – они боготворили маму. Другое дело, что когда в 53-м году я пошла в Военную прокуратуру, чтобы получить... вот после смерти Сталина, в 56-м году, сразу, как только вышел этот...после XXIII съезда, и там я...

Блинкина О.Е. XX-го.

Тиханова В.А. XX-го, да И услышала за спиной... Сидим в приемной, ждем вызова к прокурору, ну, к какой-то там пешке, и я слышу за спиной: «Вы слышали, вот тот-то вернулся, вы слышали, Антонов-Овсеенко вернулся». А бабушка и младшая сестра продолжали жить на Рождественском бульваре, 17. И я знаю, что

нашу-то квартиру конфисковали на Новинском, и знала, что вернуться он может только туда. И я помчалась туда, как сумашедшая. И что же мне заявила моя тетя, мамина сестра, которой мама вообще... Она сказала: «Прежде, чем у меня не будет бумажки, что они ни в чем не виноваты, я никого не пушу на порог».

Блинкина О.Е. Это будучи замужем...

Тиханова В.А. За сыном Владимира Александровича. А сын Владимира Александровича сказал, что правильно его арестовали, потому что он был меньшевиком. Вот я вам как на духу все рассказываю. И Тонька, мой брат, он правильно этому Володе не может этого простить. Вообще, в том, что делает Антон, есть несомненно какая-то доля справедливости, истинной правды. Я не могу этого не осознавать, хотя у меня с ним никаких отношений практически нет. Он псих.

Блинкина О.Е. То есть вот сейчас... когда... Мы потом вернемся немного назад... А вот когда арестовали, то все как бы верили в то, что это за дело, правильно?

Тиханова В.А. Понимаете, я Вам скажу так. Вот как я сейчас понимаю, в то время были разные люди. Одно время я думала, что те, кто говорят, что мы все знаем, мы все... Я говорила, что это ерунда, этого никто не знал. Это я не знала, потому что мне было 15 лет; это мои одноклассники не знали, это не знало подавляющее большинство, во всяком случае, московского населения. Не знали. Но несомненно были люди, даже не выдающиеся государственные деятели, а обычные, рядовые люди, которые понимали, что происходит. Это были люди в возрасте, которые прекрасно понимали, что происходит. И давали этому оценку.

Блинкина О.Е. – С одной стороны, вам было 15 лет, а с другой стороны, семья, в которой вы жили, круг, уровень... Все-таки, наверное, давал больше информации?

Тиханова В.А. Вы знаете, что касается информации. Дома ничего, никогда, ни на какие политические темы не говорилось. У нас в доме никогда не был ни один политический деятель в гостях. У Владимира Александровича не было друзей среди политиков. У нас в гостях был Пильняк, у нас бывал Эмиль Гигельс, у нас был Шура

Эхлес – тоже пианист, лауреат Шопеновский, у нас была Барсова, у нас были литераторы, у мамы в книжечке я нашла телефон Мейерхольда. О политике у нас не говорили. При мне не говорили. Но! У меня никогда не было елки. У нас не говорили ни о елке, ни о религии, у нас вообще на эти темы при мне не говорили. Я росла, как в вакууме. Понимаете?

Блинкина О.Е. А бабушка неверующая была?

Тиханова В.А. Бабушка была истово верующая. Она была еврейка, она молилась и плакала. Я помню, когда...

Блинкина О.Е. – То есть она ортодоксальная была верующая?

Тиханова В.А. Наверное, я не знаю.

Блинкина О.Е. – Не православная?

Тиханова В.А. Нет, нет, хотя мама была крещеная еврейка., Мама крестилась, потому что, они же приехали с Украины. На Украине были жуткие погромы. У мамы была школьная, гимназическая подруга, которая вот, уже в 90-е года она умерла, такая Анна Ивановна, которая маму прятала от погромов у себя в квартире. Эта Анна Ивановна, она была русская. Вот. Поэтому мама крестилась.

Блинкина О.Е. – Там или здесь?

Тиханова В.А. Ну это я не знаю.

Блинкина О.Е. То есть во взрослом состоянии?..

Тиханова В.А. Ну, не при мне, это было ближе к 20-м годам.

Блинкина О.Е. В 20-е годы крестилась? То есть, после революции?

Тиханова В.А. Может быть, до революции, я не знаю. Во всяком случае, она была крещеная. Вот. А бабушка была верующая. Бабушка была очень смешная... Она вырастила 12 человек детей. Ну, что вы хотите от старой еврейской женщины, которая вот двенадцать... борщ, кастрюли, в молодости пеленки, то, сё. Ей все это... Она все это...

Блинкина О.Е. – Но конфликта не было?... То, что партийный зять, дочь?..

Тиханова В.А. Нет, нет, вообще в нашей семье конфликтов не было. Не было никаких конфликтов в семье. В нашей семье, надо сказать, не помню вообще, ссоры мамы с Владимиром

Александровичем. <не по теме> Он очень ее любил, там была большая любовь. Вы возьмите в архиве у Алены... Читали?

Блинкина О.Е. Я вводила это в компьютер и читала...

Тиханова В.А. Ну, это вообще жуть, ужас, да? Так что... А с бабушкой. Как бабушка могла относиться к человеку, который маму и эту семью озолотил. Еврейская женщина, что Вы хотите. Совершенно аполитизированная.

Блинкина О.Е. Мама тоже была аполитичная?

Тиханова В.А. Вы знаете Оля, я не знаю. Вот меня воспитывали, как советскую девочку. И когда меня в 37-м году из-за ареста их не приняли в комсомол, для меня это была жуткая трагедия. Это была жуткая трагедия! Меня воспитывали совершенно в советском духе. Я была советским ребенком. В школе само собой. Дома, да. То есть, у нас не было портретов Сталина, у нас не было портретов Ленина. У нас никогда, Владимир Александрович никогда этого имени не произнес при мне: ни Сталина, ни Ленина, он не произнес, этих...не произносил ни разу. Ни от него, ни от мамы я не слышала... В нашей семье как будто бы вот вокруг ничего нету. Только вот мы живем своей семьей, там приходит Валерия Владимировна... Один раз, у нас была дача на Николиной Горе... Барсова! Они гуляют, мы гуляем все, при мне было, по участку, по лесу и Барсова говорит маме: «Софья Ивановна, какая у Вас чудная фигурка!». Мама говорит: «Меняю фигуру на голос». Понимаете, так что, не было. Когда Владимира Александровича, вот это я знаю, это я знаю по чьему-то рассказу, когда его назначили... Он приехал из Испании, нет, он приехал... Да, он приехал из Испании, его назначили Министром юстиции, Барсова была в гостях, она его спросила: «Владимир Александрович, что это вообще происходит в стране? Как это?». Он ей сказал: «Валерия Владимировна, ну вот сейчас я приехал, я попробую разобраться».

Блинкина О.Е. Он искренне верил, что... может разобраться?

Тиханова В.А. Я не знаю, не знаю, Оль, он не дурак, а что он мог ей сказать, если его назначили Министром юстиции. Он был умный человек.

Блинкина О.Е. А какие-то воспоминания о революции, о взятии Зимнего, о Гражданской войне?

Тиханова В.А. Ничего он мне этого не рассказывал, ничего. Этого в доме не было. В доме были что? В доме были детские книжки для меня, Марк Твен, Джек Лондон, «Тысяча лье под водой», «Человек, который смеется», Чаплина – это книги про животных, Киплинг – была отличная детская библиотека, была огромная, колоссальная, изъятая у нас библиотека, которую мы получали по списку. Знаете, эти списки? Отмечали... Вот это было. Эти книги были. Владимир Александрович приходил домой, он садился за письменный стол и писал. Он же очень много писал, он же стихи писал прекрасные, которые публиковались, у него История Гражданской войны, у него «В 18-м году» вот эта книга, ну, в общем... и никаких таких разговоров не было, понимаете.

Блинкина О.Е. А вот сейчас уже, как Вам кажется...

Тиханова В.А. Они с мамой говорили, конечно.

Блинкина О.Е. Нет, менялось ли что-нибудь в его отношении, понимал ли он, что все идет не тем, например, путем...

Тиханова В.А. Я думаю, что наверняка понимал. Он не мог не понимать, он же очень умным человеком был, умный и тонкий человек, он не мог не понимать. Я помню только один, свидетелем только одного разговора я была. Я вошла в кабинет, они стояли рядом и мама ему сказала такую фразу, которая мне запала, она ему сказала: «Ну, может, ты поедешь к Молотову и все ему расскажешь?». И в это время я вошла. Но эту фразу я услышала. Это был 37-й год. Что это значит? Потом я еще помню, когда мы приехали в Барвиху... <не по теме> Мы приехали в Барвиху, кого-то навещать, и мы в машине сидели, Владимир Александрович сидел рядом со мной, поэтому я... а навстречу нам ехала машина медленно, это мы разъезжались уже по аллеям, в которой сидел Каганович. У Владимира Александровича моментально стало совершенно каменное лицо, он вот так вот ему поклонился, едва-едва, очень недружелюбно. Вот такой эпизод я помню. Значит, какие-то отношения с ними... Дейч у нас бывал, очень часто, это известный очень критик был, ну слышали, наверное. Его сын, по-моему сейчас, ... или внук, функционирует. Уходил Владимир

Александрович играть в шахматы. В нашем доме жил Крыленко, на 5-й этаж к нему уходил играть в шахматы. Уезжал на рыбалку с другом своим юности Лукиным. Что мама страшно не любила. Но, тем не менее.. Ну, вот так.

Блинкина О.Е. Это он с Крыленко <нрзб> понимал, чем он занимается. А вот после ареста Крыленко? Крыленко ведь раньше арестовали?

Тиханова В.А. Раньше арестовали. Вообще у нас весь подъезд был опечатан и когда, ну вверх-то я поднималась на лифте, а вниз я ходила пешком... Рыскулов, уже он...сидел...

Блинкина О.Е. Это уже дом на Новинском?

Тиханова В.А. Это уже на Новинском, да. Все квартиры уже были опечатаны, кроме нашей. Все! Понимаете? Вот налево квартиры и направо, вот так вот по две квартиры – все. Кстати, в квартире напротив нашей жил потом сын Пильняка. Вот я купила «Повесть непогашенной луны». Он мне сказал, я ему звонила, он сказал... наша квартира была 49, его квартира 48. Он сказал: «В вашей квартире живет Гэбэшник, сын Гэбэшника. Отец его живет теперь где-то за городом, а он живет в четырехкомнатной квартире. Я б могла, конечно, поднять кипеж и начать требовать у них эту квартиру. Я не уверена, что я бы ее не вытребовала у них. Но, пошли они куда подальше! Не хочу!

Блинкина О.Е. Вас, в принципе, оттуда выселили?

Тиханова В.А. Да, так у нас же конфисковали все – дачу конфисковали, а когда арестовали мать, опечатали все, кроме кухни, ванной и моей детской комнаты. Все же опечатано было, печати на всех дверях

Блинкина О.Е. <нрзб>.

Тиханова В.А. Да, что Вы! А потом, как они меня обобрали, они все отдали старшей дочери Владимира Александровича. Был же...

Блинкина О.Е. Галина Владимировна это и есть старшая дочь?

Тиханова В.А. Нет, старшая это Вера, а Галина Владимировна это младшая дочь.

Блинкина О.Е. Уже с мамой общая?

Тиханова В.А. Нет, нет, с мамой у них детей не было. С мамой детей не было. У него был старший сын, Володя. Жена умерла от тифа во время Гражданской войны. И от второй жены – Антон, Вера и Галя. Вот, четверо детей у него было, всего.

Блинкина О.Е. А где вторая жена была?

Тиханова В.А. А со второй женой, это вот Антон тщательно скрывает... Тут получилось так: когда он женился на маме, она была в Москве. А оказалась она в Москве, потому что ее туда депортировали, или как это называется, переселили. Она была вообще «ку-ку», и дети от нее это унаследовали. И Вера, и Галя, и Антон – все. И она выходила в Посольстве, Вилла Тереза, там они жили, она выходила на балкон, в Праге и пела «Боже, царя храни», жена посла. После чего ее быстренько под белые ручки и отправили в Москву. Ее отправили в Москву, и в общем чего-то тут такое, и посадили ее в Бутырку, по-моему, в Бутырку, во всяком случае, в тюрьму, и она там повесилась. Понимаете?

Блинкина О.Е. Это еще конец 20-х, получается?

Тиханова В.А. Да. Я точно не знаю, да, в общем где-то так – год 29-й, 28-й.

Блинкина О.Е. А дети жили здесь, в Москве, или там?

Тиханова В.А. А дети жили здесь, в лесной школе. И Антон, и эти две девицы.

Блинкина О.Е. И ничего не знали?

Тиханова В.А. О чем?

Блинкина О.Е. Ни про маму, ни про папу, что что-то изменилось?

Тиханова В.А. Нет. Они знали, потому что они до того жили с ними в Праге, пока мать там была, а потом их отправили в лесную школу. Понимаете, все-таки трое детей... ну, я себе не представляю, чтобы мама взяла троих чужих детей, это конечно, надо быть подвижником, мама подвижником в этом плане не была. Она, по-моему, не знала, в каком классе я учусь. Так что... Она любила... Тоньку она любила. Эта скотина сейчас ее, ну, сейчас перестал, он вообще поливал ее грязью, как он только мог. А у меня, кстати, есть фотография, которую идиотка я разрезала... Ну это видно же, где она с Антоном, крупным планом. Они ко мне

приезжали, когда я в детском санатории в Звенигороде жила. И она его любила, и он к нам приходил, и когда арестовали отца, он ко мне пришел, взял у меня велосипед и все, больше я велосипед и не видела. Но, во всяком случае, мы с ним общались до моего отъезда в детский дом. А сестер я просто не знала, даже не знала, я не знала, где они жили. А он жил в Москве. Вот. И отец его любил. Значит, потом, когда в 54-м, по-моему году, Антона, он же тоже сидел, но его посадили... в 40-м году его посадили, я не знаю, была ли у него политическая статья.

Блинкина О.Е. Не из-за отца?

Тиханова В.А. Нет. В 40-м году. Если бы из-за отца, его посадили бы в 38-м, в 39-м, нет, нет, не из-за отца. Хотя он, сами понимаете. Вот. И когда он приехал после лагеря в Москву, рискованный мужик, приехал, он очень рисковал, я уж не помню, как он меня отыскал, но во всяком случае, он приехал в Козловский, это была комната 9 метров, такой пенал узкий, это был бывший какой-то особнячок кого-то, потом там была милиция, отделение милиции, а потом там устроили такую «воронью слободку». Там внизу жило 30 человек и через нас еще ходили вверх человек 15. Он там у меня жил в этой комнате, мне, чтобы ночью встать, мне надо было... Вот моя тахта, кровать, и раскладушка – он спал. И чтобы мне ночью встать, надо было через этого перелезть, перешагивать, понимаете. Когда он получил тут в Москве комнату, первые там ложку, вилку, ложки – я ему дала. Он чуть не женился на моей подруге, к счастью, ее эта чаша миновала, на моей Никологорской подруге, такая Таняша. Он ей уже наобещал золотые горы. Ну, вот, он у меня жил и он мне очень обязан. Он за это он меня обобрал, он украл у меня полагающуюся мне долю за Николину Гору, по существу, он сделал такую махинацию с судом, благодаря которой я была исключена, хотя дача уже была переписана на маму, в общем, неважно...

Блинкина О.Е. А это когда все возвращали после реабилитации?

Тиханова В.А. Да, да. Это всё, это к тому, что поносил маму, как только он мог. Вот этого я ему, конечно, не прощу никогда.

Ну, вот. Еще чего рассказать?

Блинкина О.Е. А вот еще, если назад, доарестные... то есть вы жили... была няня?..

Тиханова В.А. Нет, нет, какая там няня, откуда деньги на няню? Бабушка меня воспитывала.

Блинкина О.Е. Дача...

Тиханова В.А. И дача, ничего... там... Тогда мы снимали дачу в Тарасовке, снимали в Тулимовке, вот в Подмосковье снимали. Причем, тогда вот эти переезды на дачу в Москве были очень интересны. Нанимался ломовик, лошадь, телега, на эту телегу грузили весь скарб - и стулья, и столы, и кровати, вот такие вот фуры и вот так переезжали на дачу.

Блинкина О.Е. Вы чувствовали разницу между собой, как дочь Антонова-Овсеенко, и окружающими детьми?

Тиханова В.А. Вы знаете что, во-первых, когда мы приехали, меня ведь не отдали в 25-ю школу, где была эта гроза, где все учились, меня не отдали туда. Меня отдали в 10-ю школу, где был известный по Москве Иван Кузьмич Новиков, это знаменитый по Москве директор, который, спросите любого педагога, то есть, теперешние я не знаю, но даже среднее поколение, это был замечательный директор. И меня отдали в ту школу, правда, через...

Блинкина О.Е. Тоже в центре?

Тиханова В.А. Она была недалеко от нас, от Новинского бульвара, я ходила туда пешком. <не по теме>.И вот мне не приходило в голову сказать кому-то, что я дочь Антонова-Овсеенко.

Блинкина О.Е. Нет, не в этом смысле. Разница какая-то чувствовалась?

Тиханова В.А. Один раз и я это запомнила по сей день. Вот учительница русского языка, она была очень старой, и она уж как-то так чего-то такое передо мной, что я конечно моментально это ощутила, моментально испытала глубокое отвращение. Ничего больше я не помню, только я помню, что я испытала вот это отвращение. А так - нет у нас была школьная компания своя, мы учились танцам

вместе, в 6-м классе, и в 5-м, по-моему, даже тоже. Ко мне ребята приходили.

Блинкина О.Е. А вот вы ходили к ним? Другие же квартирные условия? Или тогда такого...

Тиханова В.А. Вы знаете, что вы знаете... Вот я ходила, например, в Трубниковский переулок, там в одном доме жило несколько человек. Там жили Назаровичи (?Мазаровичи), Улановские, там жила Таня Саворенская (?), там жила Ксета Савич. Это были большие квартиры русской интеллигенции. Они были старые квартиры, они были набиты книгами; письменные столы, старые какие-то добротные, достойные вещи. Наверное, все-таки, круг детей, с которыми я дружила, он образовался, видимо, сам собой.

Блинкина О.Е. То есть у вас не было резких впечатлений?

Тиханова В.А. Нет, не было. У нас в классе самые разные дети были. Я всех помню. Была такая Лида Андерман, которая в тоненьком ситцевом платице, худенькая, щупленькая, вечно дрожала от холода. Это я помню. Но с ней... не с ней я дружила. А вот дружба была с какими-то... Вот мы, например, устраивали там карнавалы... Я думаю, это все-таки, что это как -то родители между собой перезванивались. Мы устраивали какие-то новогодние вечера с карнавальными костюмами, понимаете. Какие-то дни рождения были. Но это был определенный круг, из которого, вот у Ляльки Коварской тоже были арестованы родители. Вы знаете, нет, Коварскую? Не знаю, куда она делась сейчас, дикая какая-то история, переехала в Симферополь с какими-то мужиками, не знаю... Вот. Нет, я этого до этого не чувствовала, и больше Вам скажу, я не даже не понимала, что Владимир Александрович выдающийся человек. Я не брала это в голову, как говорится.

Блинкина О.Е. Выдающийся в качестве кого?

Тиханова В.А. Он же был выдающийся политический деятель в ту пору. Он был выдающийся политический, государственный деятель, он же был герой революции. О нем Маяковский писал, о нем Джон Рид писал в «10 дней, которые потрясли мир», у него был Орден Красного Знамени, один из первых.

Блинкина О.Е. Ну это все знали, просто это как бы не...

Тиханова В.А. Знаете, я не помню. Потом я это узнала. Или тогда? Может быть, тогда... Думаю, что тогда я этого и не знала. А если и знала, то не придавала я этому значения, Оля, ну не придавала...

Блинкина О.Е. То есть для вас другие его качества были важнее?

Тиханова В.А. Для меня были другие его качества важнее, несомненно. Он был очень теплый человек.

Блинкина О.Е. А где вы были, когда его арестовали? Мама была на курорте...

Тиханова В.А. Когда его арестовали, я была дома.

Блинкина О.Е. То есть, Вы это просто видели?

Тиханова В.А. Нет, этого я не видела, потому что они меня не разбудили, они, видимо, ему не разрешили меня разбудить. Он ушел.

Блинкина О.Е. Хотя обычно...обыскивали...

Тиханова В.А. Я проснулась, нет, они меня ничего, не обыскивали. Я проснулась от того, что хлопнула дверь. Это его увели. Я встала, еще в комнате своей, встала, надела халат, подошла к дверям кабинета, вижу какой-то мужик в штатском позвонил по телефону, он стоял на письменном столе, и сказал: «Ну, все, мы закончили». Ну, я все поняла, у меня слезы так потекли...

Блинкина О.Е. То есть вы ждали... вы не понимали?

Тиханова В.А. Я этого не ждала, но я поняла, конечно. Я этого не ждала, но я это поняла, потому что на Николиной Горе последнее лето оно было достаточно таким тревожным, я слышала какие-то разговоры мамы с ее приятельницами, я видела, как мама нервничает. В общем, тяжелое было лето.

Блинкина О.Е. Ощущалось это как-то?

Тиханова В.А. Да, да, тревога ощущалась. Да.

Блинкина О.Е. И так вы, получается, больше не увиделись?

Тиханова В.А. Нет.

Блинкина О.Е. ...ни в тюрьму...

Тиханова В.А. Ну, я ходила на Кузнецкий, 20, много раз пыталась сделать передачу, денежную, потому что говорили, что

если возьмут, передают. Как сейчас я помню, я носила 15 рублей, что если возьмут передачу, значит они там, у меня ни разу передачу не взяли я стояла в этих очередях, там такое маленькое окошечко было на этом Кузнецком, 20, подворотня какая-то. Оно и сейчас там это есть. Вот. Но у меня ни разу денег не взяли. Я же много раз туда обращалась, ходила в это ГБ. Сидел за письменным столом какой-то военный чин. Так вот, я вот говорю, что вот я бы хотела... Он так выдвинет ящик, 3 секунды там чего-то... говорит: «10 лет без права переписки». Все.

Блинкина О.Е. То есть вы практически одна остались?

Тиханова В.А. Я осталась одна.

Блинкина О.Е. Бабушка с отцом...

Тиханова В.А. Да нет, меня же в детский дом забрали.

Блинкина О.Е. А вот там между детским домом?... в школе...

Тиханова В.А. Меня очень быстро забрали. Очень быстро. Да, быстро забрали, так что...

Блинкина О.Е. Несмотря на то, что бабушки жива?

Тиханова В.А. Да.

Блинкина О.Е. <нрзб>

Тиханова В.А. Оль, они же мне ничего не предлагали, они меня пригласили на Даниловку, я пришла туда

Блинкина О.Е. Повесткой?

Тиханова В.А. Да. И они мне сказали: «Вы у нас останетесь». И все! Правда, они потом спросили: «Мы Вас отправляем в детский дом.» – ну это не в тот же день – «Куда бы Вы хотели?». Вообще ко мне хорошо относились. Ко мне вообще везде всегда хорошо относились, меня только очень не любил директор детского дома. Он меня не любил, потому что меня любили мальчики. У меня была там детская такая, абсолютно чистая юношеская любовь, и он меня за это не любил, он, наверное, подозревал, что меня могут трахнуть, так я сейчас думаю, полагаю. Он напрасно опасался, потому что все это произошло много, много лет позже.

Блинкина О.Е. Но это был детдом не детей «врагов народа», а обычный?

Тиханова В.А. Это не был обычный. Вот насчет детских домов я Вам хому сказать так: детские дома были очень разные, и я думаю, что все, что о них расскажут или почти все, это, наверное, всегда правда. Потому что вот у нас был особый детский дом, который очистили от беспризорников перед нашим приездом. Когда мы...

Блинкина О.Е. Он сразу был в Днепрпетровске?

Тиханова В.А. Он был сразу в Днепрпетровске, но это был особый детский дом № 1 и там были только дети «врагов народа». Там был сын Артузова, например, знаете, да? Там еще были какие-то, сейчас я... там были... Ну хотя Галя Рыкова, она... там были Панцержанские, дети... дочери Главвоенадмирала...

Конец стороны А кассеты № 1

Сторона В кассета № 1

Блинкина О.Е. Пока вы не ушли совсем в детский дом... А как в школе отнеслись?

Тиханова В.А. Таниса Варенская (?), была такая доктор архитектуры, она лауреат была Государственной премии, моя однокашница, она книжку написала. Я эту книжку не видела... ну, книжку о школе, о своей юности, там она написала и обо мне, что пришла на урок Валя Антонова-Овсеенко, такая печальная, у нее арестовали родителей. Никто никак меня ни в чем ни разу не упрекнул. Иван Кузьмич так поставил дело в школе, у нас же... А! Нет!, это уже было не в 10-й, это я уже училась в шестой школе, где учился Окуджава, между прочим. Нет, это уже была... хотя в той школе было то же самое. Никто ни звука, ни слова, не было такого, что вот дочь врага там. Абсолютно.

Блинкина О.Е. А фамилия у вас была та же?

Тиханова В.А. А фамилия была Антонова-Овсеенко, и, конечно, все всё знали. Я же сама пришла и рассказывала. Я же теленок была, абсолютный. Оля, 15 лет тогда и 15 лет сейчас это, как говорят в Одессе, две большие разницы. Я была абсолютным теленком. Так что, никто, абсолютно никак, в школе на эту

тему... Единственное, что меня не приняли в комсомол, вот это было для меня...

Блинкина О.Е. Как-то мотивировали?

Тиханова В.А. Я не помню. Вы знаете, я тогда как-то поняла, что им мотивировать-то не надо. Ой! А в один из дней после ареста мне приснился жуткий сон, который, конечно, я, сколько жива, не забуду. У нас на Рождественском бульваре... Раньше были такие маленькие столики на таких вот гнутых ножках, кругленькие столики, в диаметре он был сантиметров 70, не больше. Они были то ли из красного дерева, то ли покрашены под красное дерево. Там стоял такой столик. Мне приснилось, стоит этот столик, на нем блюдо и на нем лежит мамино синяя голова, абсолютно... Мамина синяя голова, абсолютно синее лицо. Синяя, вот как синька. Такой сон мне приснился. Это было через пару дней после ареста Владимира Александровича, а маму как раз через пару дней же арестовали. Вот такой сон был. Вот. Да, кошмар вообще...

Блинкина О.Е. А про мамин арест как вы узнали?

Тиханова В.А. Значит, когда Владимира Александровича арестовали, я сразу, там же телеграммы лежат? А мама была, у мамы больное сердце было. Когда она Владимира Александровича назначили Наркомом, ну, как-то все вздохнули – и он, и мама, и мы решили, что надо поехать маме полечиться. И она поехала в Сухум. И там была такая Фрада Беспалова, ее подруга, которой муж, Беспалов Иван, главный редактор Гослитиздата, который тоже был расстрелян. Они были очень близкие подруги, и они потом, с мамой встретились в Бутырках. Фрада мне рассказывала, что «я сижу в камере, открывается дверь и входит Соня». Они там с ней обменялись, «я, говорит, там ей дала... – там каждая тряпочка была на вес золота... Мама мне дала ночную рубашку, я ей дала какие-то трусики, в общем, чем-то мы с ней там обменялись». Она говорит: «Ты знаешь, Валечка, ее таскали каждую ночь на допрос и так как досталось маме твоей, никому не доставалось». Вот. Так что... А в школе мне... ничего в школе.

Блинкина О.Е. <вопрос о Фраде Беспаловой>

Тиханова В.А. Она с дочерью уехала...

Блинкина О.Е. Ее что – освободили? ...

Тиханова В.А. А она отсидела своё. И они уехали несколько лет назад в Штаты. Но она моложе мамы, мамы 98-го. Может, она и жива, не знаю.

Блинкина О.Е. Она вас сама нашла?

Тиханова В.А. Кто? Фрада? Как же это случилось? Вы знаете, тогда, да. Я не помню. Дело в том... А! Я дружила с Софьей Беспаловой, это Фрадина дочка, ну и все.

Блинкина О.Е. А ну тогда все понятно.

Тиханова В.А. Я дружила с Софьей всю жизнь как-то, а сейчас они уехали. Ну, вот, на чем остановилась?

Блинкина О.Е. Как вы выбрали детдом?

Тиханова В.А. А выбрала я детский дом потому, что там жил мамин брат, Аркадий. В Днепропетровске. И я попросилась в Днепропетровск и меня туда, ну не сразу, отправили. Потому что я там заболела свинкой. Причем, на Даниловке, в Даниловском приемнике, там были не только дети врагов народа, там беспризорники тоже были. Я помню, как там большие девчонки в уборной курили. Наш контингент не курил, а большие девчонки там курили. Так вот, значит, по поводу детских домов. Они разные, потому что наш детдом был особый. Мы ни разу не слышали слова – дети врагов народа, ваши родители враги народа – мы этого не слышали. У нас, по-моему, не было ни одного портрета Сталина. Я не помню, Оля, чтобы у нас где-то был портрет Сталина.

Блинкина О.Е. Кто у вас был директор, воспитатели?

Тиханова В.А. Воспитательница у нас была жуткая халда, которая орала на нас, которая, потом, когда в 1987 году мы собирались тут у меня, говорила: «Ой! Я от вас столькому научилась! Я от вас всех набралась такой культуры!» Вот. Она была противная, такая Лиза Федоровна, вечно орала на нас, ну, противная была тетка.

Блинкина О.Е. Но безвредная?

Тиханова В.А. В общем... Она доносила, конечно, все, что было надо. Ну, а чего надо было доносить, мы ничего такого не делали. А вот у мальчишек у старших был замечательный мужик, Иван Лазаревич, такой хохол настоящий, уже ему было лет 30,

наверное, может 32. Мы все боялись, он мог дать хорошего подзатыльника. Но, вместе с тем, они его любили, вот он был какой-то... Наверное, он был справедливым, справедливый и не злой. Понимаете? У него какой-то подход к мальчишкам, как к мальчишкам. И красивый был мужик. У младших детишек... Потом же к нам беспризорников прислали, кстати, очень хорошие дети были, замечательные. Мальшей мы опекали, со старшими, ну, старше нас там не было, там шестой класс привезли, а мы уже были в 7-м. Вот. Конечно, детский дом есть детский дом. Но дело в том, что какие-то вот такие общие условия были у нас все-таки неплохие и в то же время, вот допустим, был детский дом в Геническе, которым нас пугали, потому что там была трахома, это страшная болезнь глаз. Это вообще был... говорили: «Будешь себя плохо вести, мы тебя отправим в Геническ». Так что, детские дома были всякие. Наш...

Блинкина О.Е. В школу вы ходили в...

Тиханова В.А. В школу мы ходили в городскую, педагоги нас любили, учились мы, я школу окончила отличницей, я же с золотым аттестатом, медалей тогда не было.

Блинкина О.Е. Не был у вас спецдетдом в этом смысле?

Тиханова В.А. Нет, это был спец, так назывался, специальный детский дом. Он назывался особый детский дом. Для детей «врагов народа». А к нам только где-то на 3-м году нашей жизни, по-моему, вдруг, привезли беспризорников.

Блинкина О.Е. А с дядей вы связались?

Тиханова В.А. Да, к дяде я ходила, может быть, раз в две недели, нас пускали.

Блинкина О.Е. Как он к вам относился?

Тиханова В.А. Ну он хорошо... относился.

Блинкина О.Е. Об аресте...

Тиханова В.А. Ну я с ним этого не обсуждала. И он со мной не обсуждал, он избегал этих разговоров. Тогда вообще избегали ведь... Но он меня принял, он не боялся, я же была в детском доме. Я думаю, что детский дом во многом в моей дальнейшей жизни, я думаю, что он мне отчасти помог, потому что я поступила в университет.

Блинкина О.Е. А фамилию вы не меняли?

Тиханова В.А. Нет. Нет, фамилию поменяла, когда я выходила из детского дома. Дело в том, что я же не была официально усыновлена Владимиром Александровичем, они же вообще с мамой только 37-м году расписались, она же за границу с ним ездила, не будучи официальной расписанной женой. Супруга и супруга. Бумажка эта тогда не имела никакого значения, абсолютно. Я усыновлена не была, поэтому я получала паспорт по метрике на Тиханову. Так что фамилия... представляете, когда... А потом меняла еще раз, когда я замуж вышла и меня ФСБ разыскивали. Это Арсений мне как-то говорит: «Ты, знаешь, Вальк, я видел вчера бумажку, а там тебя как бы не могут найти». Я уже не помню.

Блинкина О.Е. Столько фамилий, одна из них двойная...

Тиханова В.А. Да, я уж не помню, что там они хотели мне... Я не помню, он мне говорил, но я сейчас не помню.

Блинкина О.Е. ...а как же мама там с ним ездила тогда?

Тиханова В.А. А это не имело... Очень просто – Антонова-Овсеенко, она и по паспорту была Антонова-Овсеенко. Они потом расписались.

Блинкина О.Е. Вот вы говорили, что она выполняла обязанности супруги посла. А что это такое?

Тиханова В.А. Оля, это протокол, да. Это в общем, присутствие на всех банкетах, файф-оклоках, на всех сборищах, обязательно, причем, все тут – и определенный туалет, и определенный... Ух, один раз я ей подсидела. О! В Варшаве мы были 4 года, ну там я уже была такая, с 10-ти лет я уже помню, там было два таких случая. Один был случай, мы по вечерам иногда, по воскресеньям, мы уезжали за город, просто так подышать, походить, погулять. И вот однажды мы поехали в как-то будний день, во внеурочное время, в общем, запомнила я это даже. Поехали, поездили, поездили, почему-то из машины не выходили. А там проезжали какие-то высокие арматуры стояли, типа Останкинской башни, вот какие-то такие штуки. Вечером кто-то пришел, не помню, кто пришел, но не из наших, не из посольских, не помню кто. Но кто-то, и мама говорит: Да, мы сегодня даже из дому не выходили. Я говорю: Mamochka, да ты забыла, мы же ездили,

там еще вот эти вот высокие... Короче говоря, это была поездка такого разведывательного характера, как я поняла-то это потом. Я не помню, но потом мне здорово досталось. А еще один случай, он был совсем драматичный. Причем, интересный случай с этим самым с Мицнером потом продолжился. Там был адвокат, как же его фамилия, стоит у меня эта книжка. Ну, - неважно, польский адвокат, с которым мы дружили семьями. Вот однажды, у них девочка была моих лет... Вот однажды мы к ним поехали, а за нами началась слежка, куда наш мерседес, у нас была мерседес такого защитного цвета... а напротив прямо стояла вот эта машина, мотоцикл с двумя этими гавриками, куда мы и они за нами, буквально на расстоянии 30 метров. И в общем, мы гуляем и они слезают с мотоцикла и гуляют, мама говорила, что он только что меня под ручку не берет. И в какой-то момент, уже они нас достали, когда мы поехали к этому самому адвокату в гости, мы не успели закрыть входную дверь, как она открылась и на расстоянии, вот как от меня вот до того стола, даже ближе, оказались эти два гаврика. Владимир Александрович вынул из кармана руку с пистолетом, направил на них и сказал: «Если вы сию секунду не оставите нас, я вас застрелю». Они очень лениво повернулись и ушли. На этом дело, ну, там была нота, тыр-пыр. Когда я в Варшаве была у Мицнера, однажды я ему этот эпизод рассказала. Мицнер, ни слова не говоря, поднялся, вышел из комнаты и вернулся в комнату с книгой в руках. Эта книга написана вдовой этого адвоката, где почти слово в слово описан вот этот эпизод.

Блинкина О.Е. А Петр откуда его знал? Просто по книге, да?

Тиханова В.А. А Мицнер вспомнил, конечно, по книге, он вспомнил всю эту историю, он еще какую-то мне книгу тоже дал. Это было очень здорово. Рассказ, как будто бы вот...

Блинкина О.Е. А вы ездили с родителями, вообще вот эти страны разные...

Тиханова В.А. Нет, я никуда не ездила, нет.

Блинкина О.Е. Ну в Праге вы были...

Тиханова В.А. А! В Праге мы были, потом в Литве, Литва была. Потом были в Варшаве. Потом я с ними ездила в Берлин, или

через Берлин, мы ездили в нынешний Калининград, это был Кенигсберг, там я отдыхала вообще целое лето с ними. И там у меня была гувернантка. Вот в Варшаве, когда мы были, хоть у нас там была русская школа, но у меня там была немка.

Блинкина О.Е. И оттуда немецкий язык?

Тиханова В.А. Нет, немецкий язык, потому что я в Праге поступила, меня отдали в немецкую школу. Я не знала ни звука.

Блинкина О.Е. Прага была немецкоязычная, да?

Тиханова В.А. Нет, Прага была чешскоязычная, и там была немецкая школа. Меня отдали в школу с 6-ти лет, я ни слова не знала по-немецки, ни слова, меня отдали в первый класс. Я как сейчас помню, что единственно что я могла это с девчонками друг другу показывали языки. И все. Как я научилась, я не помню.

Блинкина О.Е. А польский там, или чешский?..

Тиханова В.А. Чешский я не знаю. А польский... Ну вот странное дело... Наверное потому, что все-таки в Днепропетровске в школе мы изучали украинский. На польском, просто когда я туда приехала, я заговорила. Но я читала книги.

Блинкина О.Е. Тогда, в 92-м?

Тиханова В.А. Нет, раньше еще, я же в Польше была первый раз в 60 каком-то. Но я читала, правда, книжки, у меня и сейчас полно польских книг. И я просто когда приехала, я заговорила. Причем заговорила так, что они считали, что я полька. Что я львовская полька.

Блинкина О.Е. <нрзб>

Тиханова В.А. Да, у меня произношение.

Блинкина О.Е. А когда в Испании были?

Тиханова В.А. Я была в Москве. Ну, он там был Генеральным консулом.

Блинкина О.Е. <нрзб - про франкистскую Испанию>

Тиханова В.А. Ну, я училась. Да, конечно. Там Долорес Ибаррури, все дети испанские. Кстати, испанские дети, я потом как-то отдыхала в 47-м году, по-моему, то ли в Евпатории, то ли где-то там, там были испанские дети, когда я с ними заговорила о том, что Владимир Александрович, мой отчим... Вы знаете, они с таким уважением, с таким восторгом о нем говорили. Они его

знали, в Испании его знали очень широко и очень хорошо к нему относились, очень. Они прямо...

Блинкина О.Е. <нрзб>

Тиханова В.А. Да, но почему ему было интересно так... Вот он должен был через несколько дней уезжать, а вот сегодня он проходили по коридору, на работе, и мимо него, в прокуратуре, он же был прокурором, и мимо него проносили нестораемый шкаф и уронили ему на ногу, и сломали ему чего-то. Домой его привезли. Но он так вот, хромая, и уехал.

Блинкина О.Е. Ну, а как же вот, он работал генпрокурором, ну не может же быть, что...

Тиханова В.А. Нет, он ничего не подписывал и ничего не делал в этой области.

Блинкина О.Е. Вы думаете, и не знал?

Тиханова В.А. Да нет, конечно, знал, я думаю, что знал. Я думаю, что знал. Ну и что?

Блинкина О.Е. Нет, в принципе, мне даже самой, для себя интересно...

Тиханова В.А. Знал, ну, и что?

Блинкина О.Е. И выход есть - один, два, три... да?

Тиханова В.А. Выход ? Да, пулю в лоб...

Блинкина О.Е. Да, вот первый... Второй - уходить, бежать, прятаться... Третий - участвовать.

Тиханова В.А. Он не участвовал в этом, абсолютно. Пулю в лоб он...

Блинкина О.Е. Ну его же тогда должны были...

Тиханова В.А. А его и арестовали.

Блинкина О.Е. Ну уже, через Испанию, Министерство юстиции...

Тиханова В.А. А потому, что в тот момент... Ну, Министерство юстиции, это был любимый Сталина прием. Это любимый его прием - назначить и тут же... А что касается Испании, он был очень нужен, там, потому что его туда послали, чтобы он с этими анархистами договаривался. Кроме него вряд ли кто-то мог это сделать так квалифицированно.

Блинкина О.Е. А он язык знал?..

Тиханова В.А. Он знал в совершенстве французский. Так что, он был нужен.

Блинкина О.Е. Генпрокурором он ведь был недолго?

Тиханова В.А. Недолго. Так что, конечно, он знал.

Блинкина О.Е. Так что, были люди, которые были в середине, которые все это понимали, которые были там изначально... Интересно, что они...

Тиханова В.А. А что они могли, Оля?

Блинкина О.Е. Нет, мне это интересно не с точки зрения - прав, виноват... Обвинить, не обвинить...

Тиханова В.А. Что они чувствовали?

Блинкина О.Е. Я всегда пыталась понять, что они...

Тиханова В.А. Ну, что они чувствовали! Вот Орджоникидзе покончил с собой. Что они чувствовали! Может, они на что-то надеялись. Во всяком случае, он же подписывал вот это «Письмо 48-ми» в защиту троцкистских там всяких штук-мучек. Против Сталина. Он же это подписывал.

Блинкина О.Е. То есть в оппозиции он как-то участвовал?..

Тиханова В.А. Участвовал, да. Да, да.

Он уходил в литературную деятельность. Вот по вечерам, вот он приходил домой, он писал. Он писал предисловие к Гашеку. Его предисловие. К сожалению, у меня замотали эту книжку. С его предисловием. Он писал по изобразительному искусству статьи.

Блинкина О.Е. ...он просто в это уходил...

Тиханова В.А. Да, он уходил в это, он уходил...

Блинкина О.Е. А вы думаете, он мог себе позволить совсем уйти?.. Или оттуда уже так просто не...

Тиханова В.А. Нет, а куда он мог уйти? Нет, нет, нет. Это, нет, тогда бы он вынужден был положить партийный билет. Партийная же дисциплина, Оля. Вы не знаете, что это такое. Партийная дисциплина была. Вообще, я Вам скажу в свете, в силу того, что мы пережили, включая сегодняшний день, как я понимаю, конечно, у кого-то больше, у кого-то меньше, у этих людей, таких, как Владимир Александрович, наверное, тоже есть грехи, несомненно, но это были грехи от большой веры на заре революции,

это были грехи, когда он безоговорочно верил. Хотя от Ленина получал втыки. От Ленина получал... Да, да, да, эти телеграммы Ленина, опубликованные в Собр.соч., где Ленин катит бочку на Антонова-Овсеенко. Он всегда был немножко таким. Но глядя вот на то, на нравственность сегодняшнего дня, я понимаю, что это был чистый, светлый и порядочный человек. Чего я не могу сказать ни о ком из тех, кого я знаю сегодня.

Блинкина О.Е. То есть тогда эта вера существовала?..

Тиханова В.А. Если там где-то, поначалу, я считала, что вот он тоже виновен, то, сё. Правильно, есть вина, вина бывает разной степени. Во всяком случае, он ни одного человека не оговорил, я читала его дело, никого не оговорил он, он никого не назвал. И он... Это был чистый человек... Со своими ошибками, со своей долей вины, а на ком ее нет?! Но это был хороший, чистый, светлый человек.

Блинкина О.Е. А вот в связи с чем вы стали обдумывать эти вопросы о вине?

Тиханова В.А. Знаете что, Оль, у меня... это же все время во мне, все время во мне, это же никуда не уходит, из меня это никуда не уйти не может. Я все время это перелопачиваю, у меня все время какие-то нюансы появляются всего этого дела, все время какая-то переоценка каких-то ситуаций, каких-то не только, строго говоря, Владимира Александровича... что он в моем понимании он все время вырастает. Он вырастает. Вот как я оглядываюсь на него, и как я вспоминаю его, он в моих глазах все время вырастает.

Блинкина О.Е. В сравнении с окружающими?

Тиханова В.А. А по сравнению с окружающей действительностью, уже и говорить нечего. Они никто не достоин его вообще. Но в Коммунарку я не езжу, я не могу каждый раз это... Это и так во мне все время, а каждый раз это поднимать заново, переживать. Причем, на этом пустом поле, где непонятно где, кто, что. Не поеду я туда, с этой пьяной Дунаевой. Как она там?

Блинкина О.Е. Ездит... Ну они в Коммунарке, да? А вот как вы про это узнали?

Тиханова В.А. Как я узнала, что он расстрелян? Это Арсений мне, когда он там работал, когда он работал в архиве, он мне устроил туда пропуск, и я к нему пришла. Там был, Никита Петров... и Охотин. И они мне показали книгу такую, где акты расстрелов. Вот так вот. Я сначала думала, что Бутово.

Блинкина О.Е. То есть до 80-х годов вы даже не знали, что он расстрелян?

Тиханова В.А. Нет, я знала, я узнала, что они его расстреляли в 56-м, нет, в 56-м свидетельство о смерти его от воспаления легких... у него ослабление сердечной деятельности, у мамы воспаление легких.

Блинкина О.Е. <нрзб>

Тиханова В.А. Да, ну, это есть и в архиве, оригиналы там. А потом я уж не помню, в каком году я это узнала. Это было в очередной раз, когда я написала.

Блинкина О.Е. То есть вы пытались узнать?..

Тиханова В.А. Я очень много раз туда обращалась... А в каком году узнала, что они они расстреляны, ну это когда? Может, после XX-го съезда. Наверное, после 20-го съезда.

Блинкина О.Е. 20-й это и есть, вроде, 56-й? Где-то в 60-х годах?

Тиханова В.А. Не сразу, не сразу это все как-то всплыло, ну, не знаю, точно я уж сейчас не помню.

Блинкина О.Е. Тогда вот последний про этот период вопрос, потом вернемся к нему. Во-первых, вот что для вас была реабилитация? Важно ли это было? Подавали ли вы?

Тиханова В.А. Ну, подавать-то я подавала, а подавала... Вот я вам скажу так. Значит, когда то ли на XX-м съезде выступил Микоян, по-моему, на XX-м съезде. Выступил Микоян. Было огромное его выступление, оно было опубликовано во всех газетах и там был разоблачен этот «культ личности», и Микоян в своем выступлении сказал, что были у нас историки, которые связали Антоновский бунт, Антоновское восстание на Тамбовщине с именем Владимира Александровича Антонова-Овсеенко. Историки додумались до этого! Как только я это прочитала, я взяла руки в ноги и помчалась в

прокуратуру. И через несколько дней, буквально дней через 5-6, я получила реабилитацию.

Блинкина О.Е. То есть просто чтобы иметь возможность упоминать это имя, хотя бы вот в этом плане?

Тиханова В.А. Да нет! Я взяла и реабилитацию, что он ни в чем не виноват, мне не надо никакого упоминания, просто... Они это сделали сразу после выступления Микояна, они это сделали вне всякой очереди, вне всякого регламента. Они... Это Генеральная прокуратура его реабилитировала за несколько дней. Я пришла подала заявление, пришла туда через 3-4 дня, может быть, и у меня была реабилитация.

Блинкина О.Е. Обоих?

Тиханова В.А. Нет, мама была на несколько дней позже. Мама была чуть-чуть позже.

Блинкина О.Е. А в «Мемориал» как вы попали?

Тиханова В.А. А Мемориал ... Я прочитала в газете, что ходят какие-то чуваки по городу, собирают подписи. Долго искала этих чуваков по городу, нигде не нашла, нигде не могла свою подпись поставить. Очевидно, они очень... законспирированно собирали эти подписи. А потом я узнала, что в МЭЛЗе будет Неделя совести. Все. Я туда пришла, сразу же пришла. И все. Это был 1988 год. И все началось.

Блинкина О.Е. А дальше, уже по профессиональной линии? Создание выставок?

Тиханова В.А. А дальше, да, да. Когда в МЭЛЗе началось... Вы были уже, или нет?

Блинкина О.Е. Да нет, я еще сидела... на дому с архивом работала...

Тиханова В.А. А! Ну, в общем, короче говоря, когда эти бумажки повешали, там пришла в голову мысль, что хорошо бы сделать выставку. Потому что там была Калина, жена этого... Она художница же. Она меня узнала, потому что я тоже повесила еще Антонова-Овсеенко. Она меня помнила девочкой, она ко мне подошла. В общем, там пришла мысль о том, чтоб сделать выставку. И я вскоре ее сделала. А когда я эту выставку сделала, то на этой выставке много оказалось лагерных работ, не только работ

художников, которые на эту тему писали, но именно лагерных. Допустим, весь Соостер там был, он потом нам оставил, я не помню, около 20-ти, может, рисунков. Еще кто-то, не помню сейчас, кто, но в общем, это было достаточное количество и тогда я стала собирать. А собирать я стала, потому что мы же анкеты разослали. По городам и весям в огромном количестве, помните, анкеты. И приходило очень много анкет от художников. А потом пошла какая-то цепная реакция, мне стали приходиться письма тоже из разных городов и как-то вот так. Ну, и пошло так вот, собрание, очень интенсивное.

Блинкина О.Е. А списки расстрельные? Как вот...

Тиханова В.А. А расстрельные списки это получилось так. Мне поручили связь с ФСБ, да, связным с ФСБ, забирать у них эти списки, приходиться туда. Значит, я приходила к Олегу Мазохину... В общем, хороший мужик, хороший парень, молодой, ни к каким репрессиям отношения не имеет... Брать списки. Я приходила, брала эти списки. И мне сказали, отдавай их... у нас работала такая Лена, помните? Черненькая, она фототекой занималась, потом забрюхатела и ушла. Я, наверное, пару месяцев, месяца 3-4, ходила за этими списками и отдавала Лене. Однажды я к ней пришла и увидела, что все это лежит сваленное в картонной коробке, в такой коробе, в которой нам гуманитарку присылали, в жутком хаосе, везде вообще все в хаосе. Я забрала эту коробку, придумала систему и стала делать картотеку. Ну, и все, с этого все началось. На книжке Бутово, которую мне Арсений подарил, которую я случайно отдала Ирке, надо мне поменять. Вместо пустой я отдала с надписью. Он написал «Дорогой Вале. Если бы не ты, ничего бы этого не было». Ну, в смысле, книги такой..

Блинкина О.Е. <нрзб>

Тиханова В.А. Ну, да, это, конечно, перебор. Ну, во всяком случае, я и начала. А потом я сделала первую книгу по Донскому и по Ваганьковскому... Ну, по Ваганьковскому это уже да... По Донскому я сделала и вот, когда уже сделала по Донскому, Арсений пришел, чтобы меня отстранять. И тут Ян тоже выступил в такой роли, что это надо делать по-другому. Я считала, что эти книжки надо делать так, как я получала эти списки. А списки я получала

вот, как у них эти пачки лежали в хаотичном ералаше в ГБ, вот так они эти списки и составляли. Как у них дела лежали, черт-те как, как это они все сваливали. И я считала, что вот как это было у них, вот так и надо документально, достоверно. А Ян, конечно, увлеченный компьютерами... А?

Блинкина О.Е. А как пользоваться?

Тиханова В.А. А очень просто, именной указатель в конце и все. Именной указатель в конце. Любая фамилия и указана страница. Вот так пользоваться. Другое дело, другие книжки тоже могут быть изданы, но этот материал надо было издать дважды, по нашим кладбищам, и издать так, и так.

Блинкина О.Е. Хорошо. А про Сахаровский скажите два слова.

Тиханова В.А. Ну, что, работаю там, скоро уйду. Это я уже третий год говорю.

Блинкина О.Е. <нрзб>

Тиханова В.А. Но он же меня в прошлом году все, в прошлом году, нет, не в прошлом, в позапрошлом. Я жутко разозлилась и сказала: «Все, Юр, я ухожу». И он, как Арсений, который меня не выпускал из комнаты, запер дверь, чтобы я не вышла, так и этот. С ним была истерика просто. Ну, конечно, единственный человек, который что-то понимает в этом вопросе и который делает нормальные выставки, да?

Блинкина О.Е. То есть на вас там все выставки?

Тиханова В.А. Да нет, не все. Только ГУЛАГовские. Я же там собираю коллекцию. Но сейчас уже, конечно, совсем не то. Потому сейчас уже все лучшее забрано в Мемориал, все там.

Блинкина О.Е. А мы считали наоборот, туда все несут...

Тиханова В.А. Нет, нет, нет, а потом скажите всем: уже никто ничего не несет. Сейчас уже пошли наследники, а наследники хотят деньги, и только деньги. Сейчас очень мало этого осталось. А наследники или не хотят расставаться... А потом я Вам скажу одну вещь: так, как это там хранится, мне не хочется даже собирать. Вообще, я работаю...

Блинкина О.Е. <Изменилось ли...> отношение?

Тиханова В.А. Это вот другое. Одно связано с другим, другое связано с этим. И потом, энтузиазма уже этого нет. Вы понимаете, Оля, там никто ничего... там поговорить даже не с кем, профессионально. Вот я себя там не чувствую. Я там 7 лет работаю, я там не чувствую себя уютно. Ну, то есть, там мне платят, в общем за один раз в неделю, я туда хожу на полдня, по существу. Поработаю... Но 4 года я отдала первые 200 имен, до сих пор не могут. 4 года, 400 имен - до сих пор в интернете этого нет. Она не может, она не умеет. Понимаете? Я не умею, я этим не занимаюсь, но я на себя этого и не беру. Я имею в виду...

Блинкина О.Е. <вопрос про сайт и кто его ведет>

Тиханова В.А. Ну это жена Юрина. Но она занимается вообще «Памятью бесправия». Как Вам нравится название всего... этого геноцида! Это называется «Память о бесправии! Ну? Что это за название у этого геноцида жуткого, что это за бесправие, когда людей мордовали и стреляли вообще тысячами! Бесправие!..С моей точки зрения абсурд. Так что, чего там говорить...

Блинкина О.Е. Тогда вернемся к Днепропетровску.

Тиханова В.А. Насчет детских домов. Я Вам хочу сказать...

Блинкина О.Е. Вот ваш такой был...

Тиханова В.А. Наш был такой. Но вот, если Вы поговорите с Галей Рыковой, у которой в жизни ничего, кроме этого детского дома, в общем ничего и не было, она в восторге от этого периода своей жизни. Ну, у нас действительно, у нас там были всякие кружки, то-сё. Но не было дня, чтобы я не думала, возвращаясь из школы, вот я сейчас приду и стоит машина, и за мной приехала мама. Не было дня. Понимаете, Оля? Кроме того, были у нас там и такие бунты, когда нас кормили... Мы голодали. Очень плохо кормили, и к нам там комиссии какие-то приезжали.

Блинкина О.Е. Вот перед войной прямо?

Тиханова В.А. Ну, 39-й, 40-й, да. Вот. Потом, сейчас-то я понимаю, сколько у меня эти три с половиной года, с 15-ти до 18-ти, самое такое время, в смысле интеллектуальном, отобрал детский дом. Это время, когда надо было вообще впитывать в себя

- театр, культуру, книги. Там не было вообще, по-моему, библиотеки, мы ничего там не читали.

Блинкина О.Е. С кем-то из своих из Москвы вы переписывались?

Тиханова В.А. Из Москвы? Да, я переписывалась, да, с подругами. С Таней Дерюжинской, с Лялькой Коварской, переписывалась. Ну и что?

Блинкина О.Е. Ну вот на литературные темы даже...

Тиханова В.А. Оля! На какие литературные темы!? Ну какие там могли быть литературные темы!?

Блинкина О.Е. А у дяди в доме?

Тиханова В.А. Я ж говорю о детском доме, а не о дядином доме. Нет, нет. У дяди больше бытовые какие-то стороны. Так что, в смысле, после того, что я получала дома, когда меня водили на выставки, когда я ходила каждое воскресенье в Большой Театр, когда я ходила в цирк в любой момент, и вообще в любой театр, и на «Синюю птицу», и туда, и сюда... И после этого такой вакуум... Там я, может, этого так не понимала. Потому что там я занималась и акробатикой, и пела, и в танцевальной кружке, и живым уголком занималась. Я там была занята вот этими делами, очень, все время. Но! Там, например, я помню, была однажды общая детдомовская истерика в нашем корпусе, когда весь корпус вообще рыдал, девочки.

Блинкина О.Е. В связи с чем?

Тиханова В.А. в связи с родителями, о том, что они в детском доме, о том, что родителей нет. Понимаете? Так что... Я помню там детей, девочку, летом в лагере, которую покусали комары и у нее все ноги были, и руки в общем-то, не только комариные укусы, а это были язвы. Понимаете, она была вся изъязвленная. Очевидно, нам не хватало то ли витаминов, то ли чего-то еще. Но и потом вообще, неуютно. Детский дом - это детский дом.

Блинкина О.Е. Ну а потом... Вот у вас были расстреляны родители. А у некоторых девочек же были...

Тиханова В.А. Там я была единственная, у которой была расстреляна мама. Остальные переписывались, ездили, уже это был

40-й год. Ездили. И ко всем остальным мамы вернулись. Ко всем. Кроме меня. И к девочкам, и к мальчикам. Ко всем. Вот.

Блинкина О.Е. ...когда вы закончили школу, вы как-то свободно ушли из детдома?

Тиханова В.А. Да. 22-го началась война, 24-го я уехала из Днепропетровска в Москву. У меня уже был паспорт, мне дали паспорт. Эти сволочи не дали мне ни копейки денег, хотя должны были дать. Должны были дать мне постельное белье. Вообще должны были меня «выпустить». Мне не дали ни копейки – я продала часы, у меня там были, и на эти деньги я уехала в Москву, и пошла к теткам, на Рождественский бульвар. Через недели две мне тетка сказала: «Ты знаешь, я ведь не могу тебя держать. Это война, не разрешается». Это тетка, которую мама спасла. Ну, я поступила в Иняз, мне дали сразу же общежитие. А потом, 16-го октября нас отправили на окопы. Не 16-го, 14-го октября. 16-е октября, когда все двигались из Можайска в Москву, с можайского направления, когда была вот эта знаменитая паника в Москве, мы рыли там окопы, это был второй день. Мы рыли окопы, мы жили там в какой-то школе, спали на полу на матрасах. Рыли не окопы, мы рыли противотанковые рвы, причем, там руководили этим, видимо, какие-то инженеры, потому что эти рвы были трехметровые; такая вот наклонная плоскость, 3 метра и тут сколько-то, я не помню. Нас поливали из пулеметов, а один раз мы испугались, там были такие облака, думали, что десант, там в общем, ничего не было. Значит, там мы были 2 недели, 2-го ноября, когда вся эта паника в Москве кончилась, мы приехали в Москву. Пришли в общежитие и выяснилось – а общежитие было в Петроверигском переулке...

Конец стороны «В» кассеты № 1

Кассета № 2 сторона «А»

Тиханова В.А. ...когда мы шли с лопатами на плече, ехали на военных грузовчиках солдатики, останавливались и давали нам колбасу, протягивали нам чего-то еще, хлеб, подкармливали нас. Вот. А 2-го ноября, мы приехали в Москву, выяснилось, что все

двери и окна вышиблены из-за этой бомбы во дворе Петроверигского, и нас обчистили. Абсолютно, то есть, ничего нет. Все. Все украли. Но нам комендант сказал: «Идите по комнатам, берите». Я взяла какой-то там жакетик, зима же на дворе. Нас эвакуировали в Мензелинск в Татарию, там очень быстроенько распустили. Ну, потому что не было никаких условий. Как теперь я выяснила, когда я вдруг захотела обозначить эту свою работу на этих... это рытье противотанковых рвов - это же считается защитники Москвы, это дает, в смысле материальном... Что выяснилось? Оказывается, наш институт эвакуировался вот где-то в районе 16-го. Они все уехали, а нас там бросили. Причем, там было народу не очень много, нас там было человек ну, может быть, 60, 70. А остальные, кто поумнее, они остались в Москве и они уехали с институтом. Институты считаются уже, как мне, вот я звонила в прошлом месяце, институт считается - он был закрыт 2-го ноября, с 16-го октября институт уже был закрыт, его не было в Москве, а мы там, на окопах, нас бросили, и мы не считаемся, и никаких документов нет. И все. И мне сказали: «Мы ничем вам не можем помочь, Вы ничем не можете доказать, что Вы там рыли эти противотанковые рвы». Вот это очень такая характерная черточка Советской власти. Вот так вот бросить, причем, ребята же, да, 17-ти лет, первокурсники, 17, 18. Медики были, которые... каждую... нас бомбили, они каждую ночь там подбирали убитых и раненных. Ребята из мединститута там были. Ну в общем, бляди, что и говорить. Ну, вот, так про что я?

Блинкина О.Е. А в Мензелинске закрыли его почему?

Тиханова В.А. А в Мензелинске? Потому что... Потому что нас туда-то приехало... Нас туда и приехало... Мы в одном вагоне все поместились. Вот те, кто был на окопах на этих, те туда приехали. Там было человек 40, не больше.

Блинкина О.Е. Кто из профессорского состава был?

Тиханова В.А. Ну там пара преподавателей, один немец был, один англичанин, там <нрзб> французская. Немцы и англичане. Ну, мы в какой-то школе занимались, холод собачий. Мороз 52 градуса, я в этой обдергашке, без обуви. Ой! Стипендия 130, жрать нечего.

Блинкина О.Е. А где вы там жили, снимали?

Тиханова В.А. Да нет! Ну, что Вы! Нас там где-то такое... Я спала на сундуке, снимали у каких-то там, но мы не платили, потому что у нас денег не было... Это институт... По каким-то квартирам жили, мы втроем жили, я сейчас помню: две англичанки и я, я была на немецком отделении. Ну, вот. Нас распустили и я весной уехала в деревню в Николаевку, где-то я вычитала, что там нужен воспитатель в детский дом и я поехала в детский дом. Это был Московский детский дом. Ну это был такой детский дом, как я понимаю, это были эвакуированные. То ли детский дом, эвакуированные, дети, что ли, просто московский детский дом. Не знаю... Вот я там проработала, оттуда я подала заявление в Средне-Азиатский университет, где потеплее. Вы не представляете, я обморозила себе там - руки, ноги. Все. Подала заявление в САГУ, отправила туда свой диплом, меня приняли, я же отличница, без экзаменов. Поехала туда. Там на хлопке...

Блинкина О.Е. Ну не повлиял никак... ни на поступление...

Тиханова В.А. Нет, приняли. Меня только не взяли в школу радистов. Я когда была в Николаевке, я вообще рвалась на фронт ведь, я жервалась на фронт, я же была советским человеком, понимаете. Слава Богу, меня Бог миловал. <не по теме>

Блинкина О.Е. И вы подавали в школу радистов?

Тиханова В.А. Я подавала в школу радистов, меня не взяли.

Блинкина О.Е. Так и объяснили, почему?

Тиханова В.А. Нет. И не взяли на переводческое отделение института. Тоже не объяснили, просто не взяли и все. Ну, вот. Подала я в САГУ - Средне-Азиатский государственный университет. Значит, летом там, это уже был 42-й год, нас посылали на окучку... на сбор хлопка, а вот когда на следующий год послали, по-моему, на окучку, или наоборот, жара, те же 50 градусов с лишним, те же 50 градусов, только наоборот, ну и, конечно, все пили воду из арыков, и, конечно, все заболели. И я заболела. Но у всех был кто-то в Ташкенте из родных, или мама, или брат, а у меня не было никого. И у меня эта болезнь перешла в дистрофию. И я чуть Богу душу не отдала. В общем, то ли пеллагра, то ли дистрофия на фоне малярии. В общем, приехала я в Москву. Автодорожный институт набирал контингент студентов.

Блинкина О.Е. А в САГУ Вы учились на искусствоведческом.?

Тиханова В.А. На искусствоведческом, да. Но мне надо было приехать в Москву, а в САГУ... Там было несколько... там был Виппер, там была профессура московская, несколько профессоров, потому что основной факультет был в Свердловске. И эти профессора, там был Виппер, Колпинский, Эфрос, еще кто-то - они уехали своим ходом. И от САГУ я уехать не могла, значит, мне надо было каким-то образом вернуться в Москву. Я забрала документы и подала их в Автодорожный институт, который набирал студентов, потому что у них так мало было студентов, их не пускали в Москву, их пускали в Москву при условии, что у них будет определенное число. И они брали всех абсолютно подряд.

Блинкина О.Е. Без экзаменов?

Тиханова В.А. Без экзаменов, да. Тем более, у меня аттестат золотой. В общем, 10 дней мы ехали из Ташкента в Москву. Я с дистрофией, с поносом.

Блинкина О.Е. А в каких вагонах?

Тиханова В.А. Пульмановских вагонах, в товарняке. В товарняке 10 дней. Паровоз еще, электровозов не было. Горячей водой из паровозов мыли голову. 10 дней, как отдать. Один хлеб.

Блинкина О.Е. Вокруг вас там друзья... какие-то, кто-то вас...

Тиханова В.А. Не было никаких друзей, когда у тебя дистрофия и ты похож вообще на мощи, у тебя друзей быть не может никаких, потому что у тебя больной абсолютно вид, и все боятся заразиться.

Блинкина О.Е. Это среди <новых>... А вот старые...

Тиханова В.А. А вот я и ехала. А каких старых, не было старых, я же с Автодорожным ехала.

Блинкина О.Е. Нет, вот когда в Ташкенте... Вы же там год были приблизительно, там же были...

Тиханова В.А. В Ташкенте да, там был Ёся Глозман, там были друзья, конечно, которые потом и в Москве продолжались, и все... Но они-то ехали другими путями, они же не ...

Блинкина О.Е. Нет, там в Ташкенте все-таки был какой-то круг?

Тиханова В.А. В Ташкенте, несомненно, конечно там был круг. Ёся Глозман, чудный был, Нюська Райковская. Она и сейчас жива, Нюська, в Москве живет. Ну вот. В общем, приехала в Москву, к тетке. Опять. Ну в общем вот так...

Блинкина О.Е. И она вас приняла? Или вы дальше <нрзб, ?в общежитии>?

Тиханова В.А. Тогда я... Нет, я так забрала из автодорожного... А! Нет, я аттестат не забрала, у меня была зачетная книжка. Она у меня и сейчас вон там лежит, зачетная книжка с росписями московских профессоров за экзамены. Зачеты, экзамены, Виппер, Колпинский, вот эта зачетка. И я, когда приехала в Московский университет, я просто зачетку им показала. И меня приняли.

Блинкина О.Е. То есть это у нас 43-й год...

Тиханова В.А. Да. И тогда те, кто учились в Свердловске, они уже тогда были, они уже вернулись в Москву. Да.

Блинкина О.Е. И вы сразу же на второй или третий курс?

Тиханова В.А. Я сразу на второй курс. Причем, у нас там были предметы, вот в Ташкенте, которых в Москве не было. А! В Свердловске у них было рисование, у нас его не было. Но у нас, например, была латынь. В москве ее не было. Да. У нас много очень предметов было, но у нас не все были экзамены, у нас очень много было... русское искусство, западное, литература такая, сякая. У нас уйма была предметов. Очень много...

Блинкина О.Е. Сильный был факультет?

Тиханова В.А. Сильный факультет был. А профессора какие! Не чета тем, которые сейчас там...

Блинкина О.Е. Он и тогда был при истфаке?

Тиханова В.А. Они сейчас при истфаке. Это, конечно, правильно, потому что там гораздо больше связей искусства с историей, чем с литературой, гораздо более прочные, более <нрзб>.

Блинкина О.Е. А чем Вы жили?

Тиханова В.А. Ой, Оля! Я жила на стипендию. Это было ужасно. По-моему, стипендия была 130 рублей, а буханка хлеба стоила 100 рублей. Одна буханка. Голодала по-черному.

Блинкина О.Е. За общежитие еще платили? Или вы все-таки пока у тетки жили?

Тиханова В.А. Нет, я жила у сестры у двоюродной. Потом я жила у Андрюшки Твердохлебова. Вы знаете его?

Блинкина О.Е. Нет, фамилия мне знакома...

Тиханова В.А. Семья Андрюшки? В семье Твердохлебовых, это самые близкие мои друзья... И с тех пор как вот они уехали, там Саик, И Борька Закс, и Андрюша с Любкой... С тех пор я осиротела и чувствую себя бесконечно одинокой, потому что это был мой дом, я там жила. Вовка сейчас в Москве остался, старший сын, я с ним общаюсь. Вот. Там я чувствовала дома. Дома я себя там чувствовала. Я его называла папа Коля, Андрюшиного отца.

Блинкина О.Е. Это вы просто попали как бы...

Тиханова В.А. Нет, не как бы я попала, это через мою двоюродную сестру - у Андрюшиной мамы, у нее была экзема на руках и она в общем... А она знала когда-то мою маму, ее брат был женат на моей двоюродной сестре, вот так. Она, в общем, знала меня. Она меня взяла при условии, не при условии, в общем, у нее трое детей в тот момент было, и экзема на руках, чтобы я ей помогала. Но Вы знаете, я не помню сейчас, чтобы я когда-нибудь мыла посуду и еще что-нибудь, я не помню этого. То есть, наверное, наверняка я это делала, но это было все так естественно, это было все так дружелюбно и просто, это все так было по-человечески, что я вот вам, как на духу говорю: я не помню, чтобы я там что-нибудь когда-нибудь детям постирала, или чтобы я там... Я вот помню, как мы сидели за столом, и были ее одноклассники... И как они сидели за столом, а я лежала с приступом малярии и подошел ее приятель школьный Сережа: «Валя, ты чего лежишь?» Я говорю: «Ой, Сережа, вот у меня приступ кончился, у меня сейчас, жар, наверное». «Вставай!» Я встала. Он мне дал треть стакана водки. Оля, я выпила и с тех пор у меня нет малярии. Да, у меня с тех пор нет малярии. Все, прошло, как рукой сняло. А хины, ты не представляешь, сколько я этой хины выпила. У меня же в Ташкенте было как: едешь на трамвае и чувствуешь первый озноб пробежался по телу, как электрический ток. Все! Бросаешь все и мчишься в общежитие, только бы успеть

добежать, пока тебя не начало трясти. Потому что если начнет трясти, у меня была такая малярия, что я падаю и все – подняться не могу. И вот с тех пор у меня эта малярия прекратилась.

Блинкина О.Е. То есть в нужный момент...

Тиханова В.А. Вот я не знаю, наверное. Климат, во-первых, поменялся, климат, а потом вот эта водка, наверное, сыграла свою роль. Ну, все, кончилось. Да! И вот эти застолья с ее друзьями это я помню. И как потом уже всё, я все это помню, но чтобы я что-нибудь там делала по хозяйству... Я вот сама даже вспоминала, думала, вот не помню, и у Вовки спрашивала, сына, тоже, слава Богу, ему сейчас много за 70. Я говорю: «Вовк, ты помнишь, что я делала?» Он говорит: «Да ничего ты не делала».

Блинкина О.Е. А подрабатывать куда-то? Или вы учились в «чистом виде»?

Тиханова В.А. Вы знаете, я пыталась, но я ж была на дневном. У нас было каждый день по 6 лекций. А потом еще спецкурсы. А потом еще дистрофия, я ж больная была, я еле тянула университет, потому что..

Блинкина О.Е. Это все годы оставалось?

Тиханова В.А. Это не все годы, в Москве я года полтора проболела дистрофией, а я была, мне было сколько там – 20, а я выглядела, как на все 50. Это были кости, обтянутые кожей, Оля. Это была настоящая дистрофия, я ж чуть не умерла. Поэтому в тот период подрабатывать я не могла. Потом, когда я поправилась, это уже было к 4-му курсу, наверное, я могла бы, но у нас никто не работал. Никто не работал, и негде было работать. Потом очень очень была большая нагрузка в университете. А потом, днем учиться, а вечером, на ночь идти работать, это было не по силам. При той кормежке, при том голодном существовании, голодном, мы же по карточкам жили, чего там давали? Сахара не было, масла не было. Хлеб был, 600 грамм.

Блинкина О.Е. А когда война кончилась? Помните вообще, как это...

Тиханова В.А. Ой! Помню, да. Это, конечно было... Как мы ждали вообще этого конца этой войны... Но это рассказать... Это рассказать просто невозможно, невозможно рассказать. Это было

такое ощущение, это радость, ни с чем не сравнимая. Потому что в эту войну каждый... Вообще, война это страшно. Страшная война была. Страшная была война. Жуткая была война. И этого ублюдка Сталина, этих ублюдков... «Штрафбат» если пойдет, посмотрите, Оля, посмотрите. Понимаете, человек ничто в нашей стране, он и сейчас ничто, он и сейчас ничто. (долго молчит).

Блинкина О.Е. Традиция такая, что ли...

Тиханова В.А. А? У нас традиция такая, у нас такая традиция. Вот я прихожу, например, в поликлинику, меня охотно пошлют на все обследования от и до – и все. Все там написано, что, где у меня, как, почему – и все. На этом все кончается. А как этим пользоваться, это уже никого не волнует. И причем, это не только по отношению к нам. А к детям какое отношение?! К детям, которые по улицам бегают. Так что, в общем, не знаю я...

Блинкина О.Е. А вот я помню, что вы в 47-м кончили университет, а работали все-таки...

Тиханова В.А. А я работать начала с декабря 46-го, меня взял к себе Борис Робертович Виппер, как я сейчас понимаю, за мой хороший литературный язык и за знание немецкого языка, и в общем, как хорошего искусствоведа. Вот. Он меня взял сразу, как хранителя Дрезденской галереи, которая к тому моменту уже туда прибыла, была там распакована, уже была. Вот. И я начала там работать хранителем, непосредственным, хранителем Дрезденской галереи. Главным хранителем был мой учитель тоже, Андрей Александрович Губер, он у нас читал античность, античную культуру. Ну, и работала я очень здорово, очень интересно, очень хорошо, все. Я была всем довольна, мною были все довольны, правда, зарплата была 790 рублей, которой вообще едва хватало на то, чтобы покупать хлеб и может быть чуть-чуть чего-нибудь к нему. Пока там не устроили выставку подарков Сталину. Когда сделали выставку подарков Сталину, это был пятьдесят... , когда ему 70 лет было? В 52-м что ли, я не помню сейчас, или в 51-м., кажется... Вот, когда сделали выставку подарков Сталину, тогда пришла такая Толстихина из музея Революции. Такая мадам, и очень быстренько меня, Женю Левитину, которая хранила скульптуру, и еще кого-то третьего из музея... Или только нас двоих? Не помню.

За анкету, а я же никогда ничего не скрывала, никогда! Я всегда писала все. Уволили, причем, уволили в одночасье, а потом схватились, что я же должна сдать Дрезденскую галерею. И через несколько дней после увольнения мне позвонили, сказали, что вот мы тебя восстановим на 2 недели, будь добра, сдай. Ну, я вернулась на эти 2 недели, сдала им Дрезденскую галерею, все там оказалось в целости и сохранности, да. И с тех пор... Хотя Ирка Антонова хорошо очень ко мне относилась, и относится, и все, и пожалуйста, мы с ней на ты... вот. Но не люблю я туда ходить.

Блинкина О.Е. Даже на выставки?

Тиханова В.А. Да Тут со мной в доме живет Светлана Ходжаш (?), она заведует отделом Египта там, она на 9-м этаже живет... Она каждый раз: «Ой, Валя приходи, у нас такая выставка!». Не люблю. Редко очень, редко хожу. А потом, когда меня уволили, я год ходила, хорошо я уже замужем была, я год ходила без работы, а в Министерстве культуры тогда работал Боря Вишняков такой, как раз сидел на кадрах. Он со мной учился на одном курсе. Я к нему пришла и говорю: «Борь, ты можешь мне помочь устроиться на работу?» А он, то ли он знал про моих родителей, знал, наверное, да. Он говорит мне, я запомнила эту фразу: «Ну, я же тебя совсем не знаю, как я могу тебя рекомендовать?». Мой однокурсник. Нет, у меня были друзья, он в друзьях не ходил...

Блинкина О.Е. Хотя вы уже были, наверное, под третьей фамилией и вообще никаким макаром...

Тиханова В.А. Да, да, да. Я уже была под третьей фамилией. А взял меня... был такой Еремей Семенович Меликадзе, в издательстве «Советский художник». Пусть земля ему будет пухом, хороший был человек, брал евреев, взял туда Нинку Ешурину (?), у которой отец расстрелян был и с которой я столкнулась на Даниловке в приемнике, только я заболела там свинкой и месяц лежала в изоляторе, а ее сразу отправили, я не знаю куда, в какой детдом. Но она наивная, она ходила: «Ты знаешь, вот у меня...» Нас привезли только, она говорит: «Ты знаешь, у меня билеты на той неделе на Анну Каренину (а Анна Каренина во МХАТе только вышла и ее очень хотели) Как ты думаешь, меня отпустят?»

Блинкина О.Е. Что, до такой степени?

Тиханова В.А. До такой степени она была наивной дурочкой. Конечно, ее никто не пустил. Вот, он взял эту Нинку Ешурину (?) на работу, он меня взял, и вообще он евреев брал. Такой был грузин. Он меня взял, сначала это была внештатная работа, вот. Ну, там я стала немножко подрабатывать. А потом, ну, потом я там 10 лет проработала. А потом я на них обиделась и ушла. А обиделась... Ну в общем, ладно, не важно... Вот, ну работала в «Искусстве» немножко поработала, потом опять вернулась в «Советский художник», ну, вот так.

Блинкина О.Е. А там, в дирекции выставок?

Тиханова В.А. В дирекции выставок не работала никогда. В дирекции выставок – нет, это не тот уровень.

Блинкина О.Е. Это я Юлию Николаевну просто вспомнила...

Тиханова В.А. А Юлия Николаевна она же у нас работала киоскером. Да. Она умерла, Вы знаете, да? Вот. У нас там хорошие вечера были, мы танцевали в «Советском художнике». Гришенькая у нее был красивый. Вы знали его? Нет? Еемужа? Голубоглазый, на Пикассо похожий, но красивше. Вот так вот.

Блинкин О.Е. А если не секрет, кто ваш муж был.? По специальности...

Тиханова В.А. Юра? Да, он кончил университет, он искусствовед, да, известный довольно искусствовед, у него много книг, среди них много хороших книг, по плакату, и по Средней Азии по художникам. Ну вот он писал, потом он работал, он работал в «Декоративном искусстве», в журнале, да, в «ДИ», он работал, по-моему, ответственным секретарем что ли, потом он работал Секретарем в Союзе художников, в большом, Союзе СССР. Где же он еще работал? Нигде, по-моему, не работал. Писал так в основном... Был на таком свободном... Он был член Союза, что в общем... Вот. Он с Пономаревым, с Секретарями, он ездил во всеэти... У меня с ним очень хорошие отношения, я его книжки редактировала. И со второй его женой у меня были очень хорошие отношения. Он ее, конечно, по-свински бросил, совершенно по-свински... А третью жену его... я не любила, и поэтому я его пускала с его любовницей к себе в дом. Давала ему ключ. Ее я не

любила. Ну, она по-хамски отобрала у...<второй жены>. Ну, вот и все.

Блинкина О.Е. А скажите... О смерти Сталина... Вы вообще помните, как это происходило?

Тиханова В.А. Я помню, да. Я жила... да, я помню, да... На похороны я не пошла, но ощущение - а что же будет? Такой некоторой опаски - было. Горя не было, но и радости - тиран умер - нет.

Блинкина О.Е. То есть вы не связывали то, что произошло с родителями, конкретно с ним?

Тиханова В.А. Нет, нет.

Блинкина О.Е. Вы с чем-то это связывали?

Тиханова В.А. Нет, нет. Я не могла понять, потому что я была твердо убеждена, что они ни в чем не виноваты. Я совершенно четко знала, что они ни в чем не виноваты.

Блинкина О.Е. И поэтому, сторона, которая их...

Тиханова В.А. И поэтому... А та сторона... тоже меня не приучила относиться к ней критически. Я не знала что, я не могла понять. Но я считала, что они не виноваты, я ж не даром в детском доме все время думала, что они вернуться. Я считала, что это в общем какая-то ошибка.

Блинкина О.Е. А про доклад Хрущева тогда... Открыл что-то, да?

Тиханова В.А. Ну, открыл, конечно, конечно. Из доклада Хрущева я поняла, что <нрзб> конкретный...

Блинкина О.Е. Какая-то внутренняя перестройка была?

Тиханова В.А. Перестройка. Конечно, перестройка, ну, конечно была перестройка. Оль, я уже сейчас не помню, наверное было. Перестройка, я думаю, что она началась раньше... Понимаете, вот дело врачей, развенчанное после смерти Сталина, и вообще, как оно закрутилось тогда, вот это всё, потом вот эта тетка, как ее фамилия, которая на этих врачей...

Блинкина О.Е. Тимашук...

Тиханова В.А. Ну в общем, это всё, и потом я была уже постарше... Это все уже как-то во мне начало бродить, хотя никак это не конкретизировалось.

Блинкина О.Е. Как-то там не обсуждалось? Просто не до того всем было?

Тиханова В.А. Нет.

Блинкина О.Е. Не пересекалось? Жизнь сама по себе...

Тиханова В.А. Жизнь сама по себе, а это само по себе. Вот как Брежнев умер, это я помню, что я жутко радовалась. Жутко радовалась, я так радовалась! Я его так терпеть не могла...

Блинкина О.Е. Больше, чем Сталина?

Тиханова В.А. Он меня раздражал безумно, тот был изувер, это просто паяц.

Блинкина О.Е. <нрзб, возможно, о воспоминаниях Томского>.

Тиханова В.А. Это публикация в «Новом мире» Томского об этом дне, когда уходил из камеры Владимир Александрович. Ну, а больше я ничего не могу сказать. Есть у меня эти воспоминания, они у меня лежат там в столе.

Блинкина О.Е. Публикация. То есть он с ним был в одной камере?

Тиханова В.А. Публикация. Он с ним был вместе в камере, и он пишет, что Владимир Александрович оставил всю одежду верхнюю, и сказал ему: «Не поминайте меня», ну я могу, не сейчас, но могу достать Вам процитировать, если надо точно, что – «не поминайте лихом, был и остаюсь честным». Одежду оставил людям перед.... Это когда его уводили на расстрел.

Блинкина О.Е. А вы виделись с этим Томским?

Тиханова В.А. Нет, нет. Эта публикация была, по-моему была, когда его уже не было.

Блинкина О.Е. А вот с маминной <подругой> как-то виделись?

Тиханова В.А. Нет. Вот насчет мамы я виделась с Фрадой, но я с Фрадой не просто виделась, я с ней общалась. Но вот она мне... то, что я вам сказала, что...

Блинкина О.Е. А про отца только вот уже <в наше время>?

Тиханова В.А. А про отца только, да, и в ФСБ в деле... в делах.

Блинкина О.Е. Там фотографии все...

Тиханова В.А. Нет, там фотографии нет ни мамы, ни его.

Блинкина О.Е. Просто не сохранились, или?..

Тиханова В.А. Не знаю. Наверное, его так изуродовали, его же привезли на Лубянку, потом его отвезли в Таганскую тюрьму, нет не в Таганскую, в Лефортово, а в Лефортово же привозили мордовать. Ну, все. Его там измордовали так, что

Блинкина О.Е. ... они как-то обычно сначала фотографировали, потом мордовали...

Тиханова В.А. Ну, вот нет фотографии его там. Нету. Почему - не знаю.

Блинкина О.Е. То есть известно, да, что его там... <нрзб>

Тиханова В.А. Я так думаю, я уверена. Иначе зачем его на эти три дня возили в Лефортово, на несколько дней. Зачем? А потом перевели в Бутырку. Зачем? Лефортово это тюрьма, где устраивали экзекуцию.

<Небольшой пропуск>

(Далее о детдомовцах)

Тиханова В.А. Значит, вот Камил Фраучи, это сын Артузова, он бежал из детского дома. Там вообще побегов не было, но вот он украл несколько книг в библиотеке и продал их, и бежал. Он удрал и потом в каком-то году его посадили, и он свое отсидел. Он потом, когда он отсидел, он стал скрипичом, он приходил ко мне сюда, причем, здесь в этом доме жила его сестра, которая была замужем за скульптором, Деруновым таким. А Камл, он стал скрипачом, его сын известный гитарист, вот, а Камил несколько лет тому назад умер. Но теперь, значит, встречу мы организовали в 87-м году, тогда была здесь, из Грозного приезжала, Эля Тимофеева, которая потом, когда началась война, уехала оттуда, потому что чеченцы русских там изводили, издевались и чинили черт-те что, творили черт-те что, вот если вы хотите знать. И она оттуда просто бежала, потому что она там оставаться боялась. И то же самое, кстати сказать, мне говорил живописец, не вспомню сейчас, известный хороший живописец, который тоже сидел в лагерях и в немецких, и в наших... Вспомню потом, который тоже там не мог жить, потому что боялся чеченцев. Вот чтобы Вы знали об их отношении к русским. Вот. Вот она была, потом была Люся

Троицкая, которая живет в Москве, которая из детдома уехала, по-моему, из 8-го класса, ее тетка взяла взяла. Была Колидова, там она была Зайцева, которую тоже тетка взяла, она тоже в Москве живет. Но она не в «Мемориале», она у этого, как его, и не в Ассоциации, а еще один у нас есть такой, ну в общем один прохиндей, ну, у Волкова она, она сама. Вот, Галька Рыкова, которая в Москве, которая жива. Эльза приехала Пален из Днепропетровска, Лена Кузьма тоже из Москвы; да, Боря Агеев приехал из Питера и Неля Панцержанская приехала из Ленинграда. Вот мы тут собирались сутки...

Блинкина О.Е. То есть вы как бы друг с другом поддерживали связь?..

Тиханова В.А. Да, мы поддерживали связь, мы списались все.

Блинкина О.Е. А эту воспитателницу где вы откопали?

Тиханова В.А. И она приехала из Днепропетровска, да, Эльза в Днепропетровске жила, так они с ней там, в общем... Вот. Потом ко мне тут приезжал бывший одноклассник из вольных, из детей, из домашних детей, был такой Женя Сердюков. Его сюда в Москву перевели работать, заведовал отделом в Тяжмаше что ли, в общем, большая стал шишка. Ну он из вольняшек был. Вот, а из детдомовцев, ну, как у них... Камила тогда с нами не было, тогда Камила еще не могли разыскать, я даже не помню...

Блинкина О.Е. А как он стал Фраучи?

Тиханова В.А. Фраучи? Это его фамилия.

Блинкина О.Е. По маме?

Тиханова В.А. Вы знаете, Оль, я не помню.

Блинкина О.Е. Вы говорили, что он сын Артузова...

Тиханова В.А. Сын Артузова, да. Фраучи, я не помню.

Блинкина О.Е. Экзотическая... больно экзотическая...

Тиханова В.А. Да, это я могу узнать, потому что жена его племянника живет до сих пор в этом доме.

Блинкина О.Е. Хотя я на концерты Александра ходила...

Тиханова В.А. Ходили. Да? Хороший гитарист, он хорошо... А Камил он на скрипочке.

Блинкина О.Е. В общем, у всех как-то сложилось?..

Тиханова В.А. Ну, вы знаете, мальчики наши почти все погибли. На фронте.

Блинкина О.Е. Их на фронт брали? Или не всех?

Тиханова В.А. На фронт их брали. Не всех. Вот Борька, кто был на фронте, он уцелел, Борис Агеев. Вот их взяли, их, наверное, брали рядовыми, а я же просилась в радистки.

Блинкина О.Е. ...вы бы еще в шпионки попросились... Радистка-переводчица, с немецким языком...

Тиханова В.А. Ну, понимаете, вот я сейчас не помню, я добровольцем подавала заявление или нет. Я не уверена, что я не подавала заявление добровольцем. Ну, слава Богу, все обошлось. Ну, как, у них, по-разному у них сложились. Вот Фрида Шарковская я знаю, жила в Москве, кто-то я знаю, вот Панцержанская Нина, Панцержанская Неля она жила в Тбилиси, она вышла замуж за грузина. Панцержанская Нина тоже. Были там дочери писателя, поэта Кириллова. Валя и Надя. Был такой поэт, очень известный – Кириллов, такой в общем, реформатор. Надюша была самая старшая, когда я училась в 7-м, она училась в 10-м. Она погибла от голода в Ленинграде, во время блокады. Валя Кириллова тоже вышла замуж за какого-то грузина. Блондинка такая была роскошная, пышная. Красивая девочка. Тоже несколько лет тому назад умерла... Вот. (кашляет).

А! Случай у меня был очень интересный в Ташкенте. Дикая очередь за хлебом по карточкам, огромная, дикая очередь. Я стою. Вдруг ко мне подходят два каких-то малыша, ну, малыша, лет по 14, по 13, мальчишки. Ну почти. Беспризорники. «Валя, Антонова!» Я смотрю, это наша малышня из детского дома. Из детского дома. Их же там бросили. Их там бросили. Очень просто. Когда началась война, они все поехали в какой-то колхоз убирать урожай. И когда немцы стали подходить к городу, воспитатели там подрапали все, и ребята, кто как мог, кто как вообще... добирались до Днепропетровска. Они добирались вот, Нелька там... Она уже тогда не была в Детском доме. В общем, короче говоря, они кто как мог добирались. Потом они добрались до города, их Василий Пантелеймонович, это... они у него, у Василия Пантелеймоновича,

в квартире какое-то время жили, тут Галина мне рассказывала, а потом там кто-то остался

Блинкина О.Е. А Василий Пантелеймонович – директор?

Тиханова В.А. Да, директор. Ну кто-то там остался в оккупации, вот Татьяна <нрзб> осталась в оккупации, а кто-то куда-то там делся... Вот.

Блинкина О.Е. Он самоликвидировался, получается?

Тиханова В.А. В общем, да, самоликвидировался. А о чем я? «Давай, – говорит. – твои карточки, мы тебе сейчас хлеб возьмем.» А это начало месяца, а там карточки разделены по декадам. 10 дней, 20 дней, 30 дней и только-только, это первые, буквально...А карточки у меня не разрезанные, полный месяц. Они говорят: «Давай карточки, мы тебе хлеб возьмем». Ну, я, конечно, эти карточки дала, и минут через 15 они мне принесли хлеб, и принесли карточки.

Блинкина О.Е. То есть рисковали вы сильно...

Тиханова В.А. Я рисковала... Нет, тогда у меня тени сомнения не было, я потом только подумала, что это был риск. Но, понимаете, это были хорошие дети, хорошие дети. У нас там хорошие дети были. Эти беспризорники, вот малышня, хорошие дети были. Мы не слышали ни мата, ни ругани, ни драк, ни безобразий. Ну, не знаю! Вот такие были дети, безотцовщина, без дома, но вот такие дети.

Блинкина О.Е. То есть вас потом совместили там?..

Тиханова В.А. Да. Года через два прислали нам ребят, очень хороших ребят, замечательных ребят. Не знаю, что, откуда они их собрали, но очень хорошие дети были.

Блинкина О.Е. Но это уже военные сироты? Да?

Тиханова В.А. Нет. Это было до войны все. Все было до войны. Вот так.

Блинкина О.Е. Спасибо.

Конец стороны «А» 2-й кассеты.

Конец записи.

